РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК —————
————— Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения —————

MONGOLICA-VIII

посвящен 190-летию Азиатского музея — Института восточных рукописей РАН (СПбФ ИВ РАН)

Составитель и автор предисловия И. В. Кульганек

Редакционная коллегия: И.В. Кульганек (председатель), Л.Г. Скородумова, Н.С. Яхонтова

Издание сборника осуществлено при финансовой поддержке Санкт-Петербургского научного центра

Монголика-VIII: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. — 160 с.

Восьмой выпуск сборника посвящен 190-летию Азиатского музея, предшественника Института восточных рукописей (Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН). Имеет те же разделы, что и предыдущие выпуски: «Историография и источниковедение»; «Литературоведение и фольклористика»; «Из архивов отечественных востоковедов»; «Научная жизнь»; «Наши переводы». Статьи об истории монголоведения, о формировании рукописных и архивных фондов Санкт-Петербурга, а также историографические, литературоведческие, текстологические и лингвистические написаны авторитетными учеными-монголоведами и молодыми российскими и монгольскими специалистами. Актуальность сборника подчеркивают очерки о последних монголоведных событиях, рецензии на новые книги и монгольские переводы художественной литературы.

Статьи, написанные в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монголоязычных народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей России и Центральной Азии.

Корректор и редактор — Т. Г. Бугакова Технический редактор — М. В. Вялкина

Подписано в печать 15.10.2008. Формат 60×90 ¹/₈. Гарнитура основного текста «Таймс» Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 20 уч.-изд. л. Заказ № 697

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография "Наука"» 199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 978-5-85803-392-9

© Петербургское Востоковедение, 2008

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН

Зарегистрированная торговая марка

Содержание

Предисловие		5
Т. Ю. Евдокимова, И. В Кульганек	Страницы из истории монголоведения в Санкт-Петербургском государственном университете	12
И. В Кульганек	Монгольский рукописный фонд Института восточных рукописей РАН	28
И. Ф. Попова, Н. Д. Путинцева, И. В. Кульганек	Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН	31
	Исторнография, источниковедение	
Е. И. Кычанов	Тангутские (Си Ся) источники о татарах	34
Ю. И. Дробышев	Историография изучения этнической экологии монгольских кочевников Централь-	
-	ной Азии	37
А. Г. Юрченко	Монгольская империя на Каталанском атласе 1375	50
	Литературоведение, фольклористика, текстология	
Л. Г. Скородумова	Об эволюции художественного образа в монгольской литературе	61
С. Байгалсайхан	Монгольские ученые о монгольской литературе	69
К. В. Алексеев	О некоторых проблемах изучения средневековых монгольских переводов с тибетского	75
С. Хувсгул	Действующие лица религиозной драмы Д. Равджи «Лунная кукушка»	81
С. С. Сабрукова	Текстологический анализ двух монгольских переводов «Бодхичарьяаватары»	
	(Bodisud nom-un yabudal-dur oroqu neretu sastir orosibai)	86
Б. С. Дугаров	Пантеон восточных тэнгриев в эпосе «Абай Гэсэр Богдо хан»	93
М. П. Петрова	Ритуальная поэзия Д. Бямбадорджа	100
Р. В. Ивлева	Рассказ Д. Норова «Синий камень»	104
Б. Сухэ	Исторические корни монгольского театра	106
Т. А. Пострелова	П. Пясецкий в Монголии	113
Н. С. Яхонтова	Названия Луны (санскрит — тибетский — монгольский)	118
	Из архивов востоковедов	
И. И. Ломакина	Главы из неопубликованной повести «Географ Андрей Симуков. Документальный рассказ о русском землепроходце-исследователе Монголии Андрее Дмитриевиче Симукове (1902—1942)».	
	Подготовка к печати, введение и комментарий Н. А. Симуковой	128
	Новые книги по монголоведению	136
	Наши переводы	
Д. Батбаяр	Прозаические миниатюрны. Пер. Л. К. Герасимович	141
	Охотничьи рассказы монгольских писателей. Пер. Л. Г. Скородумовой	145
Б. Лхагвасурэн	Стихи. Пер. П. М. Петровой	153
Б. Явухулан	Стихи. Пер. Л. Букиной	155
	Современная монгольская поэзия: Ц. Тумэнбаяр, Л. Хасар, С. Билигсайхан, С. Оюнтогс, ТО. Эрдэнэцогт, П. Бадарч. Пер. Е. Мальцевой, И. Содномовой, Д. Куленкова, А. Курве-	
	шевой, Е. Васько, Д. Водяницкой	157
Summary		159

Д. Батбаяр

Прозаические миниатюры

Дармаагийн Батбаяр родился в 1941 г. Литературным творчеством занимается с 1963 г. Автор популярных в Монголии сборников прозы: «Аниргуй эрвээхэй» («Бесшумная бабочка»), 1983 г., «Цахилж яваа гөрөөс» («Скачущая антилопа»), 1984 г., «Сахалтай нуурэнд ангирн дуугурна» («На озере Сахалт кричат турпаны»), 1990 г., «Айсуй баярын зөн» («Предчувствие предстоящей радости»), 1990 г., «Амрагийн тэнгэр» («Небо любви»), 2000 г., «Мөнхөөр саласан мөнх бус» («Бренность, наполненная вечным»), 2004 г.

Д. Батбаяр — мастер малых прозаических форм: лирической миниатюры, притчи, эссе, афоризма. Он постоянно ищет новые формы для воплощения своих раздумий о жизни, противоречивости ее явлений, о человеке и его месте на земле, о нравственности и духовности. Поэтика Д. Батбаяра отличается тонкой лиричностью, оригинальностью метафоры, выразительностью образной системы, органично связанной с национальными традициями литературы и фольклора.

Глашатай

Самое величественное и грозное на свете море, с ревом бьющееся о берег. Безграничная громада вздымает свои плавники, и тьма мощных когтей с рычанием впивается в грудь земли. Эта необъятность — глашатай неба. Через нее небо-отец посылает людям свое веление. Но злосчастное человечество наверняка забыло язык неба и уже не слышит его наказов.

Дорога

Выехав на дорогу, человек задумывается. Его стремление очевидно — ехать прямо. Но он отчетливо представляет, что впереди его ждут изнурительные горные перевалы, необъятные степи, которые нужно одолеть, раз уж решился ехать, страшные овраги, требующие постоянного напряжения спуски. И решает: «Зачем насильно заставлять себя ехать?» А сердце болит и мучается оттого, что по собственной глупости сошел с дороги и пошел окольным путем.

Безлунная ночь

И снаружи тихо. И в юрте тихо. Не ржет конь на привязи. Я не знаю, почему он не ржет. И жена, лежащая рядом, не спит, но молчит. И я не знаю, почему она молчит. И я лежу, молча размышляя. Они тоже не знают, почему молчу я. Становится всё темнее. И по мере сгущения тьмы каждый из нас внутри какой-то большой, труднопостижимой тайны становится маленькой загадкой для других.

Неиссякаемые

Морин хур всегда вызывает в памяти один полноводный колодец в Дэлгэрхангае. Сколько бы скота из него ни поили, вода в колодце не убывала, но становилась еще прозрачнее и холоднее. Черпали воду не бадьей, а ведрами, но уровень ее оставался прежним. И даже если колодезную воду не брали несколько суток, она не переливалась через край. Нас, малышей, это бесконечно удивляло.

Сходное чувство вызывает и морин хур. Едва музыкант коснется струн, рождается мелодия. Она все ширится и ширится. Прекрасный и вечно новый мотив протяжной песни льется неиссякаемым потоком. Рука музыканта устала, но сила звука не слабеет, мелодия продолжает нести радость.

Все изобильное в этом мире схоже своей неисся-каемостью.

Мы

Только они знают, о чем шепчет вечное небо и какую тайну хранит земля. Эту тайну они никому не поверяют. Постижение таинства земли и неба делает их мудрыми, могучими и богатыми. Победить их можно, только разорвав сокровенную пуповину, связывающую их с небом и землей. В исторических трактатах этих людей называют монголами-кочевниками.

* * *

Угрюмо и мрачно синее небо, Хранящее печаль несчастных птиц. Мне выпала удача Родиться человеком на земле. Пусть не парю и не летаю я. Но все ж не ползаю. И слез своих пред небом Не являю.

Мгновения

Мне почудилось, что всё вокруг внезапно стало совершенно прозрачным. И через многие сотни гор я увидел города, реки и горы. Сердце мое переполнил радостный восторг... Не только глаза, уши, но и сознание приобрели такую ясность, что прошлое за несколько веков назад стало осознаваться, как настоящее.

И не только это. Мне показалось, что один я увидел, постиг и открыл никем до сих пор не познанную тайну. Я понимал, что мое открытие — таинство какой-то истины, о которой я не могу ничего не сказать, которую не могу ни объяснить, ни описать. Только мне было предопределено её увидеть, понять и осмыслить. Никакими словами выразить это было невозможно. И от сознания этого сжималось и болело сердце.

Капля

Над морем идет дождь. Он свирепствует, как томимый жаждой табун. Почему капли дождя, отрываясь от стада-облака, сливаются с огромной водной стихией? Они не похожи на так и не прибившийся к чужому стаду скот, бегущий в родное кочевье. Вряд ли их гонит чья-то враждебность. Вернее всего, в капли дождя их превратило стремление стать самостоятельным целым. Рассекая воздух и ветер, они ощущали вкус свободы. Но море ведь тоже огромное стадо. Так зачем вырываться из одной орды, чтобы попасть в другую? Может быть, им хотелось стать волнами? Или, не зная, как обрести свободу, они ошибочно приняли за нее море? Свобода дорога всем. Почему? Трудно понять почему. Ведь непостижима даже маленькая капля дождя в этом мире.

Но... Может быть, в мгновении перехода из одной общности в другую и заключен смысл жизни? Или, все зная и понимая, невольно, ведомые судьбой, мы переходим из одного единства в другое? Если даже капелька воды — раба судьбы, то что есть свобода?

Или...

Разговор с огнем

Огонь вспыхнул, и пламя взметнулось вверх. Преисполненный благоговения, я вскрикнул: «Небо! Небо!»

— Вот бы пылать, как вы! Горение ведь очищает. Огонь пригасил пламя и устремил на меня печальный взор. У меня мелькнула мысль: «О Бурхан!

Живет в святости, а так удручен». Огонь какое-то время молча смотрел на меня.

- Горю, чтобы очиститься. Но сколько горю, столько остается и пепла. А зачем миру столько сора?
  - Тогда зачем же гореть?
- Но горение единственный путь приблизиться к небу.
- Ну станете Вы ближе к небу и что? Там же ничего нет. Абсолютная пустота...
- Очиститься и значит стать абсолютной пустотой. Пустота безгранична! Безгранична!

И когда он вспыхнул еще ярче, еще ослепительнее, я невольно отпрянул назад.

Ручеек

- Маленький горный ручеек! Куда и зачем торопишься ты? Океан далеко. Тебе не по силам, малютка.
- Я стремлюсь к тишине. Я хочу туда, в безмолвие...
- Но безмолвны твоя глубина между дном и водной гладью, твоя прозрачность.
  - А разве каждый довольствуется тем, что имеет?
- До свидания, ручеек. Будем искать тишину. Каждый свою.

Погружение

Темно. Тишина. Закрываю глаза. Чувствую на веках теплые от солнца пылинки. На них сосредоточены все мои мысли и ощущения. Удивительно живо чувствую, как эти пылинки непрерывным потоком опускаются не только на веки, брови и лоб, но и на ноги, на руки, па все тело. От частицы к частице они становятся все плотнее, все тяжелее, и кажется уже невозможным открыть веки, шевельнуть онемевшими руками и ногами, прижатыми тяжелым слоем пыли. Я медленно падаю... падаю... и тону в какой-то неведомой беспредельности.

Туман

На севере, на юге, востоке и западе везде густой туман. Где Бурхан? Где черт? Будто слились воедино ад и рай.

На плечах заблуждающихся мудрецов сгрудились злые духи. Куда? В какую сторону идти? Разум и душа словно заблудились в одном теле.

В глубине души всплывают воспоминания далекого прошлого. Что-то более, что-то менее отчетливо. Но дороги возвратиться к нему нет.

Сийриймаа

Лето... День... Река Чулуут... Щебет птиц... Сириймаа и я... Кувшин с водой... Нежные слова... Смех...

Осень... Вечер... Река Чулуут... Мы с Сийриймой... Полнолуние... Мелодичный звук... Губы... Вкус меда...

Зима... Вечер... Я... Река Чулуут... Легкая грусть...

Весна... Вечер... Я... Река Чулуут... Серп луны... Я... Тень моя и Сийриймы...

Пустынный

Вокруг безлюдная пустыня. Горячий, как неистовая страсть, воздух пронизывает душу и тело, обволакивает ноги и руки, шею и голову, и чем дальше, тем сильнее он обжигает и перехватывает дыхание. Встречающиеся кое-где холмики и кусты поташника лежат, затаившись, вздымая колючки, похожие на останки древних существ.

Сколько ни смотри, ничто не движется, ничто не дышит. Как будто все это воплощение прошлого. Куда ни посмотришь, угрюмо и тяжело простираются беспредельные тысячелетия.

Крикнуть бы. Но один-единственный вопль, безусловно, не вернет настоящее. Да и где тот голос?

Муравьиное небо

Небо муравьев начинается под моей стопой. В моем небе щебечут птицы. В небе птиц мерцают звезды. От звездного неба начинается обитель бурханов.

Ворон

Я не знаю языка ворон. Не знаю, но тайно подозреваю, что в их карканье есть что-то плохое. Плююсь: «Добрые слова — сюда, плохие — туда».

Бедняжка ворон, а может быть, он справляется о своей подруге? Может, зовет: «Прилетай. Не бросай меня»? У ворон, живущих столетие, много страданий накопилось. Этот ворон познал и смерть и разлуку. Но выразить это словами он не мог. И в отчаянье плакал.

А правда в том, что я не сделал ничего, за что ворон проклинал бы меня. А ворон не сделал ничего, за что я гнушался бы им.

Бедняга!

Будто

Звезды будто огненные пауки... Будто десятками движутся... Будто под пристальным взглядом множатся... Будто они отрываются от несметности, и их становится все больше и больше... Будто эта бесчисленная тьма пауков подкарауливает единственное мгновение, чтобы завлечь в свои сети души людей, взлетающие от земли к небу...

Будто человек ищет крепкую опору, способную удержать его единственную душу, сберечь ее. как берегут единственного коня...

Будто ищет что-то, ощупывая корни деревьев, растений, вросшие в землю камни...

Будто разыскивает по миру незыблемый оплот, а потом сидит в изнеможении, сгорбившись, устремляясь к бурхану, чтобы вручить в его длань кончик земной привязи...

* * *

Столица. Центр. А крикнуть хочется: «Есть кто-нибудь?»

* * *

Под сенью старой сосны Сижу один, обняв колени. О как печален голос кукушки.

* * *

Смешав цвета Всех красок на палитре, Пожалуй, я мог бы нарисовать себя.

* * *

За перелетными птицами вслед По речной воде, где листья плывут. Струится моя печаль.

Безбрежность

Проснулся. Тишина. «Который час?» Зажег настольную лампу. Часы остановились. Распахнул оконную занавеску и выглянул в окно. Снаружи абсолютная тьма. Улицы пусты и тихи.

Который же теперь час? Мне казалось, что спал я долго, но до рассвета было явно далеко.

Снова подошел к часам, пристально вгляделся в стрелки. Они показывали чуть более двух.

«Во сколько же я проснулся? Задолго до того, как остановились часы, или нет?» И чем больше я размышлял об этом, тем мучительнее становилось желание узнать, который теперь час? Почудилось, что встали не только мои наручные часы, остановилось время во всей вселенной, стали недвижны и тот, кто шел, и тот, кто бежал.

Мне подумалось, что закричи я сейчас во весь голос — и все в округе проснутся. Но я не решился на это. Ведь мой крик мог остаться и безответным. Начать колотить во все окна и двери? Но каждый вправе не откликаться. Все бесполезно. Я чувствовал полную безысходность, последние силы покидали меня.

Захотелось встать и еще раз посмотреть в окно, но я не решался — вдруг все там по-прежнему неподвижно и безлюдно. Лучше уж сидеть недвижимо, оставаться в неизвестности, ни к чему не прислушиваться, ни во что не вглядываться. Ну встану, посмотрю в окно — и что? Нет, уж лучше сидеть. Но очень скоро я понял, что и это не решение.

Я почувствовал неодолимое желание проверить. Медленно встал, подошел к окну, пристально вгляделся. Там, как и прежде, было тихо и безлюдно.

Долго разглядывать эту неподвижность было неприятно. Я задернул занавеску и стал ходить из угла в угол. Но мои движения еще сильнее подчеркивали окружающее меня оцепенение, звуки шагов вызывали страх. Я медленно подошел к кровати и сел. «Ну почему все вокруг меня замерло?» Я перестал ду-

мать об этом и сосредоточенно вслушивался, стараясь уловить хоть какой-то звук.

И мне становилось еще страшнее. Я подумал, что так должен чувствовать себя человек, оставшийся единственным во всей вселенной. Но тогда надо выключить и настольную лампу. Меня окружила абсолютная темнота и абсолютная тишина. Прошлое и настоящее слились воедино и превратились в необъятное время. Меня охватил ужас от мысли, что я растворился в его потоке.

Нет, нет. Нельзя думать об этом. Вообще понятия «времени» нет. Его придумали люди. Один час может длиться целый день, день — тянуться как год. Разницы нет. Это искусственная ошибочная категория. Тогда почему меня так терзает вопрос «Который теперь час?». И что из того, если бы я знал? Мне известно, что «время» искусственное и неточное представление, так почему мне не хватает этой иллюзии? Просто прихоть? Или я не могу жить без этой химеры?

Безотчетно я прижал руку к груди и услышал отчетливое биение своего сердца.

Заросли

Не шелохнутся огромные толстые лиственницы. Не колышется и молодая поросль возле них. Недвижны рядом и поодаль старые деревья. Тишина. Даже листья не шелестят, и это еще сильнее подчеркивает безмолвие чащобы.

Каждый шаг вперед — тревога и страх. В тусклом застылом свете не то дня, не то ночи не различить окрестные кусты, как тину в мутной воде. Здесь нет ни настоящего, ни будущего.

Тут господствует претворенное в единое целое прошлое. Чем дальше, тем плотнее друг к другу деревья, они, как живая ограда, задерживают каждый мой шаг. Внезапно я останавливаюсь.

Несколько секунд не могу ни пошевельнуться, ни вымолвить слова. Очнувшись, оглядываюсь вокруг, и мне чудится, что все деревья злобно уставились на

меня. И тотчас в мозгу мелькает мысль: «Тайна вселенной коснулась тебя. Обязательно когда-нибудь кому-нибудь расскажи об этом. Это и есть закон бытия». Я подумал: «Ведь ни одно живое существо, ни одно растение не давало клятвы хранить эту тайну».

Я взял себя в руки, сделал вид, что ничего не вижу, ни на что не смотрю, и двинулся вперед, молча и бесшумно.

* * *

Слава — камни лести, нагроможденные на талант.

На плечах просветленных оседает пыль от ног молящихся.

Корень страха — желание жить вечно.

Случается, что тень урода краше его самого.

Очень часто бабочки погибают, упав в жертвенную лампаду.

Печаль и тоска — родственники прошлого.

Любовь, как песня, имеет припев.

В глубине настоящей литературы бьется пульс сострадания.

Счастье — ворота, которые открываются ключом страданий.

Не нужно искать крылья, надо только идти к вершине, забыв об усталости и дороге назад. Тогда, приближаясь к ней, почувствуешь за плечами крылья.

Нет такого места, где можно скрыться от неизбежного.

Смех — маска печали.

Знать то, что не нужно знать, понимать превратно то, что нужно знать, узнать поздно то, что необходимо знать, — хуже, чем вообще не знать.

Зачем приглашать на небесный пир пресмыкаю- щихся?

Кто кинет камень в птицу, парящую в высоте?

Введение и перевод с монгольского Л. К. Герасимович

Охотничьи рассказы монгольских писателей

Занимательны и поучительны рассказы монгольских писателей о животных. Они проникнуты трепетной любовью к степям, тонким знанием природы. По остроте сюжета охотничьи рассказы можно отнести к приключенческому жанру — столько в них необыкновенных событий, которые случаются с героем.

Представленные рассказы написаны в 60—70-е гг. XX в. опытными, очень известными прозаиками.

Чадраабалын Лодойдамба (1916—1969) — автор знакового не только для становления и развития собственно монгольской литературы, но и для общественного сознания романа «Прозрачный Тамир» и большого количества повестей и рассказов. Его творческое наследие по сей день питает монгольскую литературу.

Батын Нямаа (1928—1996) специализировался в области крупноформатной прозы, первый его роман «Трое» («Бид гурав») вышел в 1971 г. и принес автору широкое признание читателя и критики. Последний роман «Судьба» («Тоорог») был опубликован в 1996 г.

Большая часть творчества Нанзадын Надмида (1925—1987) посвящена детям — в 50—60-е гг. вышло несколько сборников прозы, адресованных детям школьного возраста. В конце 70-х, период бурного развития крупных повествовательных форм в монгольской литературе, он опубликовал несколько романов, получивших весьма положительную оценку критиков.

Жамьянгийн Гал (1937—2000) — написал более десяти книг остросюжетной прозы и фантастики, представленной у него рассказами, повестями и романами.

Б. Нямаа

Таежный охотник

Черная тень Второй мировой войны легла на землю. Этой осенью мне сравнялось восемнадцать. Все меньше оставалось теплых дней, все ближе холода. Скоро степь закуталась в снежные покрывала, суровая зима вступила в свои права.

Дело было зимой 1943 г. Едва мы перебрались на зимовье Нарста, старый охотник Дошинжав позвал меня на охоту. Мама не хотела, чтобы я шел в тайгу, но я уже был взрослый — как говорится, «ноги доросли до стремян» — и твердо решил идти. Едва стало светать, я отправился к соседям. Дошинжав давно встал, оседлал коня, привязал к торокам большой мешок и ждал меня.

Его жена хотела было положить нам на дорогу несколько вареных ребрышек, но Дошинжав запротестовал:

- Старая, зачем? Мы же на охоту собрались, идем пищу на весь год добывать, так себя-то прокормим, тайга не даст помереть с голоду. Неси мясо назад.
- Э-хе-хе! Ты ведь уже не тот охотник что прежде. Пора бы знать свои силы.

Дошинжав гуай дал мне длинную берданку, а сам повесил через плечо короткое охотничье ружье — «обрез». Он поцеловал внука, кольнув его усами, и мы выехали.

С непривычки давило плечо тяжелое ружье, морозный ветер дул в лицо. Мой спутник был известный на всю округу охотник и нелюдим. Больше сорока лет он охотился в этих местах и ни разу никого не брал с собой в тайгу. Злые языки распускали слухи, будто он ни с кем не хочет делить добычу, не желает, чтобы еще кто-то знал его охотничьи секреты. И вдруг сегодня позвал меня — желторотого юнца. Удивительно! Быть может, семидесятилетний охотник, чувствуя, как отодвигается от него тепло войлочной юрты и приближается вечный холод каменной могилы, втайне желал передать по наследству свое искусство, оставить после себя достойного преемника? Кто знает? Но странно, что он выбрал именно меня. В нашем селении были и другие ребята, более способные, по-настоящему увлекающиеся охотой. Некоторые мальчишки, едва научившись ходить, не расставались с самодельным луком, рогатками, охотились на мышей, птиц и даже на крупную дичь — кабанов, косуль. И тем не менее несколько дней тому назад Дошинжав гуай решил устроить экзамен мне, а не кому-то другому. Он дал мне берданку, пять патронов и велел стрелять по мишени затесу на стволе старой осины. Только одна пуля попала в цель, остальные пролетели мимо, не задев даже кору дерева. И, несмотря на мои «успехи», я-таки попал в ученики к знаменитому охотнику.

На третий день мы подъехали к перевалу Тогоот и остановились на опушке большого кедрового леса. Стреножили коней, развели костер, в старом котелке, растопив снег, сварили чай. Я бросил в кипяток су-

шеный борцог, но закаменевшее мясо и не думало таять. Его пришлось разгрызать зубами — хорошо они у меня крепкие, здоровые. Старик достал из мешка берестяную плетеную бутыль с архи, налил в деревянную пиалу, побрызгал на четыре стороны ', прочел молитву и почти до дна осушил пиалу с архи. Не спеша размочил в горячем чае засохший хлеб, свежий творог — ааруул, и у него получился степной напиток с хлебом и жиром. Погас день, на ясном зимнем небе обозначились звезды. Ничего не было видно дальше костра, нас окружила плотная тьма. Кони скребли копытом мерзлую землю, добывая изпод снега траву. Лишь эти скребки да потрескивание горящих веток нарушали первозданную тишину степи, будто напоминая о том, что есть жизнь на земле. Утолив голод, старик налил из берестяной бутылки архи. Наполнив пиалу наполовину, протянул мне:

— Как говорится, счастье мужчины — вольная степь. Выпей вина! На удачу!

Архи обожгла рот

— Я всю жизнь провел на охоте и ни разу не возвращался домой с пустыми тороками — всегда лошадь от тяжести еле ноги переставляла. И представляешь — охотился около дома! Бывало, скажу старухе: «Топи печь, ставь котел! Я пойду, мяса принесу», и пока вода греется, я успеваю вернуться и обязательно с добычей! Благодаря чему такая удача? Только благодаря охотничьему умению, опыту. Говорят, духи-хозяева тайги, все тринадцать тэнгриев, любят лакомиться архи. Вот я их каждый раз и угощаю. А они для меня дичи не жалеют, — сказал Дошинжав гуай.

Но, конечно, мой старик не столько ублажал духов местности, сколько сам не прочь был выпить, согреться. Ведь духам достаются какие-то капли, а он выпивает целую пиалу архи.

И вот я впервые в жизни испытал, что такое ночевать в степи под открытым небом, да еще зимой. Костер пригревает спереди, пламя почти обжигает лицо, а спина леденеет от холода. Я протягиваю руки к огню, пламя едва не лижет ладони, но тепло все не проникает внутрь, даже кажется, что кровь застыла. А мой спутник сидит с невозмутимым видом, скрестив ноги, будто у себя дома, а не у костра, будто мороза и нет вовсе, попыхивает огромной, с кулак, трубкой, задумчиво глядя вдаль. Черные глаза искрятся молодо, будто видят сквозь темноту дальнюю дорогу и будущую охоту. Он слегка захмелел от пиалы архи, внезапная перемена отразилась на его лице. Допинжав сник, погруженный в свои думы. Горестно вздохнув, он произнес:

— Вот время наступило: настоящего охотника, что дневную звезду, встретишь редко. Все трусы, все без сердца! Святоши, ханжи!

Я не мог с нам согласиться:

— Вы говорите, нет хороших охотников? А разве Дашийн Балбар — плохой охотник? Он одной кремневкой медведя убил!

Дошинжав гуай криво усмехнулся:

— Тьфу! Если в руках ружье, а медведь перед носом, так его и твоя бабка застрелит! Нет ничего проще, чем наставлять дуло ружья на зверя, только на курок нажать — и все. Голодный медведь-то в десяти шагах всего был от твоего Балбара. Тут уж победила не охотничья сноровка, а чистый случай. свинец, вылетевший из дула ружья все решил! А ведь что главное в охоте? Смекалка! Все нынешние охотники, начиная с Балбара, боятся вылезть из-под одеяла. Из дома уходят, когда солнце взошло, и возвращаются задолго до заката. Разве это охотники? Настоящий охотник в степи зимой мерзнет, летом жарится на солнце. Он должен уметь скакать по снегу, как волк, перепрыгивать со скалы на скалу, как рысь... Эти дрянные охотники столько ранят зверя. столько распугают в погоне за дичью! Охотник должен быть и твердым и добрым одновременно, должен быть и чертом и богом для зверья! А посмотри, как некоторые поступают. Отойдут недалеко от юрты, устроят засаду и подстрелят первую попавшуюся косулю, да еще с детенышем! Эх-хе!

Старик покачал головой, наморщив лоб. Несколько минут угрюмо молчал, глядя на взметнувшееся вверх пламя костра. Мне хотелось продолжать разговор, я спросил:

— А почему вы всегда один ходили на охоту?

Он хмыкнул и решительно произнес:

— У Хангая надо брать только то, что необходимо. А эти охотники норовят бить все, что под руку попадет, хватают все подряд, что надо и не надо, Есть и такие, которые собаками загонят стадо кабанов и начнут резать всех поросят, только визг стоит. И еще считают это подвигом. Но ведь гораздо выгоднее брать взрослого кабана, а не поросят. Я с такими горе-охотниками всегда спорю, даже и подраться готов с ними. Так уже лучше одному охотиться, как ты думаешь?

Я раззадорил старика новым вопросом:

- А что вам помогло стать знаменитым охотником? Ваша удаль или вино?
- Не знаю. Никакая нечистая сила мне не помогает. Мой учитель Бум гуай архи духам не подносил, не просил удачи у хозяев тайги. Если бы я был плохим охотником, духи бы и архи мою принимали, и меня взашей гнали отсюда, проговорил Дошинжав гуай и подмигнул мне.

* * *

Мы вдвоем со старым охотником ездили по степи без малого десять дней. Вязли в сугробах — снег доходил до стремян лошади, иногда они не могли вытащить ног. Но ни разу мы не встретили никакой дичи. Дошинжав гуай знал эти охотничьи угодья как свои пять пальцев, знал, где может скрываться дичь. Здесь он знал каждую березу, каждый камень, но на этот раз просчитался старый охотник — одного он не предвидел — что из-за сильных снегопадов вся дичь уйдет отсюда. Старик глубоко вздохнул:

¹ Древний обычай задабривать духов местности.

— Эх-хе! Вот что такое труд охотника! Нелегкий у нас хлеб. Физические страдания еще бы ничего. Но с чем сравнить душевные муки? Ведь кто народ кормит? Пахари, пастухи-скотники да мы, охотники. Но ничего, не будем отчаиваться. Хангай велик. Здесь бескормица, а там, — он показал рукой на далекие снежные вершины, — и тепло и трава есть.

Все съестные запасы у нас кончились, уже двое суток мы пили один пустой чай. Кое-как добрались до гор с ледниками на вершинах, перешли небольшую падь. И правда, снега здесь было гораздо меньше, кое-где виднелись следы зверей. Мы перебрались на северный склон невысокой горы, поросший смешанным редким леском. Дошинжав гуай натянул поводья своего коня:

— Мы же с тобой не пара верблюдов, что не можем расстаться. Давай сейчас разъедемся в разные стороны — ты поезжай по левому склону, а я по правому, встретимся у большой скалы. Внимательно смотри за свежими следами, — наказал он мне, и мы расстались.

Я следовал мимо низкой сопки с ивами на склонах, когда услышал два выстрела, огласивших громким эхом тайгу. И не сказать, как я обрадовался. Повернув коня, я погнал его в сторону, откуда прозвучали выстрелы. Мой спутник сидел на поляне, на толстом сваленном дереве и с наслаждением курил. Рядом лежала туша большого кабана. Все же улыбнулось ему охотничье счастье.

— Дошинжав еще ни разу не возвращался домой с пустыми руками! Видишь, какие богатства дарит нам Хангай! — радовался старик.

У меня потекли слюнки при виде кабана. Я с нетерпением ждал, когда Дошинжав возьмет нож и начнет свежевать тушу, представив себе жаренные на костре ребрышки кабана... Но мой спутник вдруг сказал:

— Ну, сынок, надо нам эту тушу сохранить. Сдадим ее в комиссию как есть, целой.

Я даже задрожал от неожиданности.

- Что?! Разве мы не будем сейчас есть мясо? Умрем здесь от голода, — пробормотал я растерянно. Старик с осуждением поглядел на меня:
- Эх ты, глупый, только о своем животе заботишься. Если ты так уж голоден, у тебя и у меня дома полные шкафы мяса. Ты думаешь, зачем мы выбрались на охоту в лютый мороз? Чтобы себе брюхо набить? Нет, мы пошли, чтобы помочь Красной Армии. Страна Советов изнемогает под тяжестью страшной войны. Как много уже наши передали подарков фронту — и лошадей, и золото, и серебро... А мы с тобой что послали? Пару-две рукавиц — и все. Там люди кровь проливают, гибнут, а мы будем сидеть и наедаться? Нет! Я решил тоже внести свой вклад в общее дело, вот и пошел на охоту, и тебя с собой взял. Желание мое сбылось. Эта туша будет стоить не меньше нескольких коней. Не стыдно и фронту послать. На одного коня сядет один человек, но солдат может и пешим воевать, однако ни один человек не может воевать голодным. Пусть едят сало

кабана, пусть из мяса сварят бульон. Сто человек можно накормить этим мясом! Конечно, у красноармейцев еда есть. Но там, где идет война, мясо никогда не было лишним. Ты понял, малыш? Не бойся, мы с тобой не помрем с голоду. Пока ты в тайге и рядом старый Дошинжав, тебе нечего бояться.

Мы связали две березы, сделав что-то наподобие саней, уложили кабана, и я потащил тушу к ближнему леску. Мой товарищ же поехал выслеживать дичь. И скоро я услышал новый выстрел. Эхо его разнеслось по тайге.

Ч. Лодойдамба

Волк в шапке

- А сзади на шапке волка ленты! Вот! Дамдин взглянул на Хэтрудоржа — тот поежился, проведя ладонью по лицу, встряхнул головой и добавил:
- Правда, истинная правда! Видно было, как ленты развеваются на ветру, он взял со стола пиалу с чаем. Аймар побледнел и едва дыша, прерывающимся от страха голосом вымолвил:
- Утром мне показалось, что из пасти у него валит голубой дым.

Хэтрудорж и Дамдин переглянулись.

- Это правда. Не только дым, иногда и пламя пышет. Да, странный зверь. Кто сам не видел, ни за что не поверит, сказал Хэтрудорж. Он беспокойно ерзал на стуле:
- А мы все трое видели, поэтому и верим друг другу. Чего только в жизни не бывает! Вот у меня был случай, когда еще я караванщиком работал в китайской фирме. Стерег я однажды в ночном табун коней. Ночь такая темная, что у твоей лошади ушей не видно. И вдруг из табуна выскочил конь пегий, Хэтрудорж поставил чашку на стол, взял щепотку табака из кисета, лежавшего перед Дамдином, набил трубку, зажег ее от головешки, затянулся и продолжал:
- Да, так вот, я подскочил к этому пегому и накинул ему петлю на шею. И давай укрюк тянуть. Я тяну, и он тянет, чуть меня с лошади не стащил. Сильный конь! Я кожу на ладонях ободрал, зубы сцепил, но укрюк держу. А как светать стало, гляжу а это и не конь вовсе, а тигр! и, запрокинув голову, Хэтрудорж захохотал. Но, похоже, его никто и не слышал. Все мысли Дамдина были заняты видением волка в шапке. Аймар никак не мог унять дрожь во всем теле. Один старший сын Дамдина оживился и до конца выслушал историю Хэтрудоржа. Вытирая рукавом глаза, он проговорил:
  - Как же вы в такой темноте тигра разглядели?
- Сынок, да глаза то у меня зеленые, как у совы, я в темноте все вижу, ответил невозмутимый Хэтрудорж и налил себе еще чаю,
  - А что с тигром потом было?
  - Да ничего. Я выдернул укрюк, он и был таков. Полго молиали. Тишину нарушил Ламлин:

Долго молчали. Тишину нарушил Дамдин:

— Надо у Галдан гуая спросить про этого волка. Наверняка он знает что-нибудь. Оседлав мышастых коней, Дамдин и Аймар направились к старику Галдану, а Хэтрудорж поехал в другую сторону — он хотел удивить народ, рассказать всем про волка в шапке. Нарочно поехал один, никто не помешает описывать в самых ярких красках диковинного зверя.

Дамдин и Аймар ехали молча. Дамдин внимательно смотрел по сторонам и не заметил, как их догнал сосед Сусэгжав.

Вот и юрта знаменитого охотника Галдана. Вошли, поздоровались, выпили чаю, а потом Дамдин рассказал всю историю по порядку. Старик слушал его очень внимательно, затем спросил:

- Волк крупный?
- Я сам не видел, а мой сосед Гонгор рассказывал, будто бы у зверя длинное узкое тело, и еще он встает на задние лапы и, как человек, подолгу смотрит вдаль. О Бурхан! Лама Чогдон сказал мне, что волк этот дух гор, потом погадал на костях и вышло, что надо немедленно совершить жертвоприношение в честь духов-хранителей гор Хангая. Сам обещал этим заняться. Я возьму на церемонию жертвоприношения бурдюк с кумысом и две большие головки сыра, сказал Сусэгжав.

Галдан задумчиво курил.

- Нет, правда, волк в шапке был? переспросил он у Дамдина. Истинная правда! Шапка такая остроконечная на нем, сказал Дамдин и засмеялся.
- Шапка, да еще не простая на верхушке зеленый камешек джинс, как чиновники раньше носили, с волнением в голосе добавил Сусэгжав. Он закатил глаза и закончил:
- Нет сомнений это нечистый дух! Галдан посмотрел на него и засмеялся.
- Нет, вот и Хэтрудорж говорит, что это правда,— повторил Сусэгжав.
- Хэтрудорж известный врун. Ведь, как говорится, у лжеца истин много, у сухого дерева сучков много. Вот раньше было дело я обозвал нойона степным волком, так за это меня высекли и заставили целый год жить в черной юрте, проговорил Галдан со смешком.
- Люди такого наговорят, что и поверить трудно. Скоро скажут еще, что волк и по-человечьи разговаривает, сказал Дамдин.

Галдан смеялся, теребя ус.

- Ну ладно, пусть... Но ведь Чогдон гуай правильно считает, что надо принести жертвы Хангаю... опять проговорил Сусэгжав.
- Этот Чогдон заставляет людей скотину резать, чтобы самому себе живот мясом набить, перебил его Галдан.
- Почему вы, старый человек, всегда так говорите? раздосадовался Сусэгжав, грех это!
- Говорю так потому, что самого много раз обманывали эти ламы. Дамдин, давай-ка лучше соберем людей и устроим облаву на волка, предложил Галдан.

У Сусэгжава глаза на лоб полезли:

— О Бурхан! Что за ерунду вы тут городите? Глупая собака на луну лает. Собрались на нечистую

силу в облаву идти! Если духи рассердятся, плохо нам будет, — запричитал Сусэгжав.

- Кому это нам? Вам с Чогдоном? презрительно спросил Галдан. Да, верно говорят глупая собака на луну лает. Но есть и другая поговорка «Верблюд как ни прыгает, до неба не допрыгнет, коза, как ни брыкается, телегу не сломает». А вот вам, если будете сеять смуту среди добрых людей, действительно худо придется.
- Нет, я с вами на охоту не поеду, почти прошептал Сусэгжав.

Галдан послал внука за лошадью, а сам стал прочищать и заряжать ружье.

- Дамдин, у тебя ружье есть? спросил он.
- У меня добрый серый конь и хороший кизиловый кнут, лучше всякого ружья. Конь свежий пасется со вчерашнего дня, так что сегодня в самый раз на нем ехать охотиться, сказал с улыбкой Дамдин.

Тем временем внук Галдана привел ему коня. Галдан и Дамдин выехали в степь.

- Вы не дело затеяли. Еще не поздно, откажитесь, лучше совершить жертвоприношение, напутствовал их Сусэгжав.
- Ты не волнуйся, с тобой ничего не будет, успокоил его Дамдин.

По дороге Галдан и Дамдин собрали еще человек восемь охотников и все поехали на поиски волчых следов. Скакали долго, никаких следов не было. Переночевали в айле в степи, а рано утром отправились проверять ловушки, которые они накануне поставили в ущелье. Вместо волка в шапке в ловушку понался другой волк, тоже матерый зверь. Галдан застрелил его из ружья. Вечером перед заходом солнца охотники выехали на небольшую гору. За нею простиралась широкая степь. Сверкавшие на солнце травинки качались на ветру, будто золотые нити.

Охотники стояли на вершине холма и, приложив козырьком руку к глазам, вглядывались вдаль. Галдан показал куда-то рукой:

- Ну-ка, ребята, посмотрите туда у кого глаза хорошие. По-моему, два всадника гонятся за волком, сказал он.
- Поехали за ними. предложил Дамдин. Все согласились. Вскоре они догнали всадников. Дамдин скакал первым. Охотники сняли с плеч ружья, сталь сверкнула на солнце. Дамдин взмахнул кнутом над гривой лошади и крикнул!
  - Тот самый волк!

Приготовились к облаве. Волк убегал от своих преследователей — видно, кони уже устали от погони.

— Держите ружья наготове, следите за мной, если что, стреляйте, — крикнул Дамдин и пустил коня вскачь. Он приподнялся в стременах, весь напружинился и словно слился со своим конем, ринувшимся в погоню, будто волна, прорвавшая плотину.

Вскоре Дамдин настиг всадников. Один из них был секретарь ревсомольской ячейки Тумур, другой — сын Галдана Чулун. Словно пущенная стрела, промчался мимо них Дамдин.

— Дамдин гуай! Не бойтесь. Этот волк в шапке, — донесся до него голос Тумура.

Дамдин отозвался: «Знаю!» — и помчался дальше. Полдня убегавший от преследования волк стал уставать. Серый скакун Дамдина мчался так быстро, что настиг бы и сытого отдохнувшего зверя, не то что загнанного до смерти волка. Вот волк уже совсем близко — он бежит и все время оглядывается назад. Копыта лошади вот-вот затопчут его, подомнут под себя, словно вышедшее из берегов море. Четыре глаза — человека и лошади обжигали его огнем. Конец близок, неминуем.

Дамдин взмахнул кнутом, не отрывая глаз от головы волка. Серко зашел с другой стороны, почти прижался боком к волку, но зверь резко повернулся и бросился в ноги Дамдину. Тут-то и опустился кизиловый кнут на его голову, рассек волку морду, и тот кубарем покатился по земле.

Дамдин с усилием осадил коня, подъехал к волку поближе — тот был мертв. Дамдин спешился. Вскоре подъехали и остальные охотники. Они от души повеселились, разглядывая волка в шапке.

— Ну, ребята, тронулись! Надо этого зверя людям показать, чтобы навсегда у любителя даровой баранины Чогдона отбить вкус к жертвоприношениям, — сказал Галдан, и все тронулись.

Прошло три года. Летом 1942 г. араты стали собирать коней в дар Советской Армии, геройски сражавшейся с фашистскими гадами за свободу и счастье людей земли.

Дамдин привел на комиссию Серого. Народ восторженно зашумел, увидев знаменитого рысака:

- Этот быстрый скакун рожден для охоты на волков!
- Да, одно удовольствие смотреть, как он стелется по степи, прижимая уши, и настигает волка!

Председатель комиссии заинтересовался разговором, спросил:

- Дамдин гуай, что, правда, ваш конь может волка догнать?
- Да, верно. Я на этом коне около пятидесяти волков убил в шапке и без шапки, ответил гордый Дамдин и улыбнулся,
- Как это «волк в шапке»? удивился председатель.
- Да был однажды такой случай, равнодушно проговорил Дамдин.
- Интересно, интересно. Расскажите, как было дело, попросил оживившийся председатель.
- В тот год пошли слухи, будто в наших краях объявился волк в шапке. Такая мелочь, как мыши и суслики, при виде его от страха замертво падали. Вот мы, несколько охотников, собрались, выследили волка и погнались за ним. Мой Серко самый первый настиг волка, и я кнутом забил его. Это был диковинный зверь на голове шапка, да еще встает на задние лапы и, совсем как человек, всматривается вдаль.

Председатель перебил его:

— Это-то ладно. Я знаю, что волки, которые в камышах охотятся, часто встают на задние лапы. А вот откуда на нем взялась шапка?

— Наверное, этот волк, как правило, не охотился на тарбаганов. Но один степной суслик ему все-таки попался случайно. Зверек вцепился волку в шею да и прилип к нему. Волк съел то, что до морды доставало, а голова тарбагана так и осталась болтаться за спиной, потом шкура зверька высохла и поднялась дыбом над головой волка. Если издалека смотреть, похоже, будто на нем шапка надета.

Слушатели весело рассмеялись.

Дамдин к поводьям коня привязал голубой хадак и письмо и передал коня комиссии.

— Трудно мне расставаться с моим верным конем, но в Советском Союзе война, много хороших людей гибнет, там люди жизни не жалеют, чтобы преградить дорогу фашистским стервятникам. которые рвутся на восток, хотят добраться и до моей юрты. Поэтому я не имею права даже единственного своего коня беречь для одного себя. Мой конь догоняет врагов наших стад — волков, так пусть он верно послужит воинам, которые гонят врагов всего человечества — хищную орду Гитлера, — он прижался к своему коню, поцеловал его.

На глазах Дамдина выступили слезы. Арат быстро повернулся и пошел, вытирая на ходу глаза рукавом.

Серый глядел вслед уходящему хозяину, бил ко-пытом землю и мотал головой.

Н. Надмид

Лувсан-«волчатник»

В наших местах волки почти не водятся. Если появится один или два, им сразу дают кличку, и нет человека в округе, кто бы не знал масти, повадок волка, и даже все его тропы обычно становятся известны.

И вот однажды, как раз перед сенокосом, к кочевьям прибились два волка, их никогда не видели здесь раньше. За короткое время они успели перепробовать всякий скот — мелкий и крупный рогатый — и изрядно морды себе жиром вымазали. Окрестные айлы, объединившись, дважды устраивали облаву, но первый раз у них ничего не вышло, а второй раз хоть и напали на след, зубастому удалось сбежать.

Лувсан был местной знаменитостью среди охотников. Он твердо верил, что Небо-отец и мать-Земля завещали только ему охотничью удачу, посылают ему обитателей долин антилоп и диких зверей степей. Если все же кому-то другому случалось поймать лису, антилопу, джейрана или корсака, он твердил одно: «Этого зверя я давно ранил» или «Этого я специально оставил, хотел, чтобы зверь жир нагулял, да шерсть у него была густая». И ни в одной облаве на волка Лувсан не принял участия.

Потом своему знакомому оказал: «Они только спугнули зверя. Я один пойду, покажу им, как надо охотиться, принесу волчью морду». Прошло несколько дней после облав, но про волков ничего не было слышно, мы кочевали в той части Гоби, кото-

рая пазывается Хонгорын. Куда ни кинешь взгляд — пустыня без конца и без края. Люди говорили — может, волки затерялись в этих песках. Все решили, что они обосновались там, где много дичи, бродит заплутавший домашний скот, и немного успокоились.

Но вот волки снова начали время от времени подбираться к стаду, а потом, слегка утолив голод, исчезали бесследно. Зверь безошибочно выбирал время, когда люди отвлекались от пастбища, — приходили во время праздников или в сильную бурю и утаскивали добычу. Целое лето волки не давали покоя аратам. Местные окрестили волков разными кличками: «злые гости», «наши должники», а некоторые суеверные называли их «неуловимые духи». С первыми осенними холодами, когда выпал иней, араты стали готовиться к новой облаве, запасали еду. Известие об охоте получил и Лувсан. Но у него была своя идея. За день до облавы тайком от соседей, на рассвете, он погрузил на верблюда палатку, еду, ружье и выехал на охоту. Спешился в безлюдной пустыне, поставил палатку, развел костер, вскипятил чай, приготовил из борца — сушеного мяса еду. Ах, как вкусен чай, как ароматен борц под открытым небом в степи!

Лувсан наслаждался покоем и предвкушал свою победу. «Эти так называемые охотники скоро явятся сюда всем скопом, а я им и преподнесу убитых волчат в мешке, пусть гоняют камни вместо зверя». Вечером Лувсан расставил вокруг палатки капканы — вдруг зверь прибежит, привязал верблюда, стреножил коня и уснул.

Утро было морозное, в инее, дул свежий легкий ветерок. Самый подходящий день для охоты. На душе было радостно. Не выпив чаю, схватив кремневку, патроны, он поспешил к капканам, зорко высматривая, нет ли волчьих следов. Солнце уже поднялось высоко. Не видно было ни лисьих, ни волчьих, ни даже заячьих следов. Он решил вернуться в палатку, выпить чаю и уже верхом выехать на охоту. И вдруг неподалеку от своего ночлега он увидел страшную картину — останки своего верного любимого коня, которого волки задрали прошлой ночью. Что теперь сетовать и возмущаться, ничем горю не поможешь. Не поднимешь коня, а ведь он много лет верой и правдой служил ему. Был неразлучен с Лувсаном на охоте. Теперь ему надо было вернуться домой, поесть и уж затем отправляться на волков, но он поступил иначе. Лувсан погрозил невидимым врагам: «Если я вас, поганые, не свяжу мордами друг с другом, пусть меня никто за человека не считает», — поклялся себе. Вечером он собрал несколько капканов и спрятал их возле останков коня. Верблюда привязал так близко к палатке, что его морда почти просовывалась внутрь. Наутро он обнаружил, что в один капкан попал волк, однако на месте капкана не оказалось — наверно, зверь потащил его за собой, пытаясь бежать. Лувсан обрадовался — хоть одного поймал! Неподалеку обнаружил капкан, но он был пуст! Подойдя ближе, увидел — две передние ноги

волка торчали зажатые в капкане, а самого его не было. Вот какой сильный зверь — отгрыз себе две лапы и ускакал на одних задних!

Пусть и умный, сильный зверь, на двух лапах далеко не убежит. Где-то тут он, поблизости, решил Лувсан и пошел по следу дальше. Но вскоре след пропал. Потом на песке появились волчьи следы шести ног. Видимо, один забрался на спину другому. «Как бы там ни было, далеко не уйдут», — думал охотник. «Поеду на верблюде искать их», — решил он.

Подошел к палатке. У самого колышка, где он привязал верблюда, был оборван повод. Верблюд исчез. Неужели мне теперь не на чем передвигаться? Нет, наверно, верблюд где-нибудь здесь пасется, щиплет траву. Еще такого не случалось, чтобы верблюд отгрызал повод. Куда подевалась эта чума? Лувсан поднялся на пригорок, но ничего не увидел.

Тогда он забрался на самое высокое место, на вершину холма, и оглядел окрестности. Вдалеке, на горизонте, колыхалось что-то темное. Это что-то то увеличивалось, то становилось маленьким, то вдруг начинало двоиться. Лувсан никак не мог понять, что это такое.

Он так долго всматривался в заросли карганы, что начали слезиться глаза, и все расплывалось. В конце концов в его воображении картина восстановилась: это верблюд везет поклажу, а в поводу ведут коня. Но потом видение исчезло. «Значит, верблюда украли? Или кто-то искал заблудившуюся скотину, увидел, что стоит верблюд без хозяина, и решил увести его», — с удивлением подумал Лувсан. Целый день он бродил и к вечеру совсем выбился из сил и проголодался.

Он почти вполз в свою палатку. Он теперь напоминал муху посреди пепелища — один в пустыне, только тень осталась вместо товарища. Что скажут люди? Волкам осталось еще его съесть. И только он так подумал, как, действительно, у входа в палатку послышались чьи-то шаги, шорох, будто и в самом деле волки пришли, в проеме что-то промелькнуло, вой был слышен почти рядом. От страха Лувсан не смог заснуть всю ночь. На другой дань он собрал капканы, завернул их в палатку, спрятал в кустах, потом взвалил на спину седло и побрел домой. Возле большого валуна остановился передохнуть, сел, закурил. Вдалеке на востоке поднялся столб пыли, потом появился всадник, за ним другой. Со всех концов ехали люди на лошадях — по двое, трое, одному. Лувсану с высокого холма все было видно как на ладони, хоть это было и далеко. Охотники прочесывали местность. «А что они тут найдут? Нечем им тут поживиться. Но мне нельзя с ними встречаться». Лувсану стало любопытно, как земляки погонят перед собой камни вместо волка, и он спрятался за уступ скалы, чтобы из укрытия наблюдать за облавой. Прежде всего в том месте, откуда поднималась столбом белая пыль, он увидел человека верхом на верблюде, в поводу он вел желтую собаку. Лувсан этому не удивился. Но откуда вдруг взялся волк? Если они гонят волка, то чтобы им не догнать его! — думал Лувсан. Он снова посмотрел вперед и вдруг увидел, что верблюд с человеком на спине что есть мочи несется прямо на него. Когда он подъехал поближе, Лувсан разглядел, что на верблюде сидит не человек, а волк, другой волк бежит рядом, держа в зубах повод верблюда. Странная невероятная картина открылась Лувсану.

— Боже, что за чудеса! — вскрикнул Лувсан. Забыв про самолюбие, выстрелил в верблюда, но промахнулся. Принялся громко кричать. Со всех сторон стекались люди, кольцо вокруг волков сжималось. Наконец волк бросил повод верблюда, и его догнали. Тогда беспредельно уставший и запуганный верблюд лег на землю, а другого волка быстро догнали.

Облавщики подвели верблюда с волком на спине к Лувсану. Серый сидел как человек, вцепившись зубами в передний горб верблюда. Шерсть на холке встала дыбом, глаза страшно сверкали. Он напряг все свои последние силы для борьбы, но судорожно сжатые зубы не могли оторваться от горба. Верблюд был мокрый, пот ручьями стекал по его ногам, он весь дрожал и еле дышал.

— Лувсан, два хозяина Хонгорской гоби тебе мат поставили. Ты отдал им коня, они потом захватили и верблюда... — смеялись люди. С тех пор и стали называть Лувсана «волчатником».

Ж. Гал

Голубой архар

Мы вели тихий, неторопливый разговор о новых уютных домах, о многолюдном поселке. Горячий чай обжигал губы. Взгляд старого Дандара, прозванного Метким Глазом, упал в открытую дверь на кремневое ружье, которое висело над моей кроватью, и он вдруг встрепенулся, словно голодный беркут, завидевший лисицу.

— Откуда у тебя это ружье? Ну и чудеса! — воскликнул он.

И тут история старого кремневого ружья, которое я нашел несколько лет назад в горах Таг, за Бурхандуудаем, перестала быть для меня загадкой. Вот что рассказал мне старик.

— Мне и не снилось, что я опять увижу это ружье, которое когда-то похоронил высоко в горах Онгийдог хар!

У меня, сына бедного охотника на тарбаганов, не было ни захудалой козы, ни убогой собаки. Родители отказали мне только это вот кремневое ружьецо. Я еще был подростком, когда остался один с двумя младшими братьями. Надеясь на щедрость Алтая, я. чтобы прокормить их, бродил по горам. Полны были мои торока — я радовался, а были пусты — огорчался. В зимнюю стужу и в летний зной рыскал я как голодный волк в поисках добычи и целыми сутками выслеживал дичь. Юрта наша стояла у самого подножия горы, питались мы мясом джейранов.

Сколько ночей пришлось мне провести под открытым небом! Я не расставался с ружьем и скоро в

меткости превзошел своего покойного отца. Я почти не знал промаха. Бил я дичь без разбора, бывало, по двадцать туш в день, но если и не находил ничего, тоже долго не горевал. Ведь охота не только кормила меня, но и была моей жизненной школой.

Конечно, год на год не приходится. Народная власть помогла беднякам распрямить спины. Ведь из поколения в поколение перенимали мы покорность своей несчастной судьбе, могли добывать скудный хлеб лишь охотой на тарбаганов. Но жизнь перевернула старую поговорку «С тарбаганами и косулями еще не богач, с табаком и чаем — уже не бедняк». Теперь у людей появились и лошади в загонах, и укрюк в руках, и овцы возле юрты, и верблюды под потником. Наш дом не считали богатым, по и бедным он не был.

Как известно, иногда даже умные люди делают глупости. Наверно, все произошло оттого, что наши голубые горы Буудая славятся красотой и изобилием. У каждого из нас было по три-четыре коровы, но ведь охотнику нет счастья без охоты. Бывает, что ни кожей, ни мясом не богат зверь, а охотник гонится за ним как сумасшедший и убивает. Если бы мы были чуть рассудительней, меньше бы делали зла.

Эти горы кормили моих предков, а теперь кормят меня. Но мне никогда раньше и в голову не приходило, что умерь я свой охотничий пыл, несметные богатства земли моей, а значит, и мои богатства умножились бы.

В старину говорили: «Придет срок — и чаша наполнится». Может быть, это и так, не знаю. Но один случай так меня поразил, что я бросил это дорогое мне ружье, вещь, перед которой я благоговел с детства, память о моих седых родителях. С тех пор я забыл о своих мирских утехах.

Сначала земляки смеялись: «Стрелок Дандар решил покаяться, стал монахом, и антилопы на Буудае наконец обрели покой». Долго я еще был предметом насмешек, но постепенно все забылось.

Тут старик Дандар замолчал, набил свою длинную трубку зеленым китайским табаком, пригубил крепкой архи, которая стояла до сих пор нетронутой, и положил ружье перед собой. Словно мать, нашедшая наконец своего заблудшего сына, с радостью и тревогой смотрел он на ружье. Большой шершавой рукой с искривленными толстыми пальцами он нежно погладил ствол кремневки, а потом вздохнул и продолжал:

— Охотник никогда не останется голодным в степи, даже если ему и не удастся подстрелить тарбагана. Это было в начале осени. Солнце опустилось довольно низко. Я вышел на гребень горы и, не заметив вокруг ничего интересного, прилег в круглой, как пиала, впадине, заросшей пестрыми цветами. День стоял тихий и солнечный. Годы берут свое, прежней удали и резвости у меня уже не было, и я мгновенно уснул.

Проснулся я от топота копыт. Что бы вы думали? Надо мной, по гребню горы, неслись восемь огромных архаров. Они мчались к солончакам. Мне про-

сто повезло — добыча сама шла в руки. Дурак и тот бы не упустил своего. Стоит ли говорить, как захватывает дух при виде бегущих стрелой баранов. Я вскинул ружье и выстрелил. Эхо разнеслось по горам. Не успел я оглянуться, как архары были уже на перевале. Я хотел снова зарядить ружье и погнаться за ними, но вдруг обнаружил, что по дороге растерял все патроны,

И злость меня взяла, и смех. Я сел, ничего не понимая. Где я мог их потерять? Искать бесполезно — ведь я бродил по горам целый день. Ладно, как говорят у нас, «найденное нашел, а потерянное потерял». Я стал гадать, попал я с первого же выстрела в барана или нет? Подойдя ближе к скале, я вдруг увидел неподвижно стоявшего огромного голубого архара. «Видано ли, чтобы раненый зверь вернулся туда, где его настигла пуля?» — удивился я и стал тихонько подкрадываться к нему. Огромный, величиной с яка, архар стоял как вкопанный. По правому боку его текла кровь, прямые стройные ноги словно приросли к земле, ясные чистые глаза были устремлены вдаль. Струйка крови блестела в золотых лучах солнца, как фольга.

Прошло довольно много времени. Кровь все текла и текла. Вороны, радуясь предстоящей добыче, с карканьем кружили в небе. Поодаль парили два грифа. На горячем ветру кровь быстро запекалась, только тоненькая струйка продолжала стекать по ноге. Однако архар стоял не шелохнувшись, даже не моргая. Его красивая голова была по-прежнему гордо вскинута, а копыта под тяжестью огромного тела уходили в землю. Застыли наконец последние капли крови и кровавый след, тянувшийся за ним, высох. Но архар все еще продолжал стоять. Мое изумление сменилось страхом: я не мог понять, какая сила удерживает его на ногах.

Хищные птицы уже кружили почти над самой его головой. Я отогнал их, сел возле барана и долго сидел так. Его гордая смерть как бы восставала против жестокости, в данном случае — моей жестокости.

Мертвый архар стоял на вершине высокой горы, почти у самого солнца, и четко выделялся на фоне ясного неба. Мне казалось, что он и меня призывает к мужеству, к справедливости. В тот день я поклялся никогда больше не убивать животных. Я снял ружье и спрятал его в расщелину под скалой. Сердце мое вдруг наполнилось незнакомой дотоле болью и тоской, из глаз хлынули горячие слезы.

Сынок, ты нашел мое ружье, потому я и рассказал тебе тайну, которую до сих пор скрывал от людей.

Природа встречает человска при первом же его вздохе, кормит и поит его. Но ведь несметные ее богатства даны не ему одному, а всем людям. Только тот, кто поймет это, может любить ее так, как она того заслуживает. Природа — мать всех людей, а если уж дитя не любит своей матери, кто же полюбит ее? Я всегда говорю детям: «Берегите природу! Пусть она вечно здравствует и цветет!»

Старый Дандар закончил свой рассказ, вытер пот с загоревшего изрезанного морщинами лица и вернул мне свое ружье.

— Что ж, ведь мы тогда были неученые, не понимали всего. Не то что вы теперь, — каким-то грустным голосом сказал старик, будто в свое оправдание.

С тех пор я часто вспоминаю его простые, но мудрые слова о природе, матери всего сущего. Мне снится порою голубой архар, и я тогда думаю, что рассказ о нем привнес еще что-то важное в мои размышления о вечной связи человека и природы.

Введение и перевод с монгольского Л. Г. Скородумовой

Б. Лхагвасурэн

Бавуугийн Лхагвасурэн (р. 1944) сегодня является одним из ведущих монгольских поэтов, драматургов, прозаиков. На протяжении многих лет он возглавляет детский драматический театр. Но в современную монгольскую литературу Б. Лхагвасурэн вошёл прежде всего как поэт, создавший неповторимую образную систему. Пользуясь различными художественными средствами и приёмами, он строит свои образы на реалиях материальной и духовной культуры монгольских кочевников. Его отличает глубокое проникновение в кочевой менталитет, историю и религиозную философию народов Центральной Азии. Поэт, прозаик и драматург Б. Лхагвасурэн выражает общие свойства национального характера своего народа во всех своих произведениях, независимо от рода и вида той литературы, которую он создаёт.

Нами предлагаются переводы его стихов из книг: Б. Лхагвасурэн. Говь. Уянгын тойрог. Хос уянга. Улаанбаатар, 1991 и Б. Лхагвасурэн. Монгол уул. Ангир уураг. Улаанбаатар, 1991.

Гоби

О Гоби, Ты залижешь Рану антилопы,

В твоих краях Прекрасных девушек Не счесть.

До дна колодца Солнца луч Не достигает.

И будет месяц, Зацепившись за утёс, Всю ночь висеть.

То нестерпимый зной, То холод Жгучий,

То твердь земная, То зыбучие Пески,

То миражи, То саксаул Колючий — Мне древности глубокой Снится сон, Где движутся пески.

Они в сиянье лунном Песне вторят, Осыпаясь, А под лучами солнца Вверх растут, Воспламеняясь.

О золотой песок — Осколки солнца, Нерастворимым остаёшься ты в воде,

Барханы, Как седой земли Сухие волны,

Забытые игрушки смыв, Вы прячете На дне.

О родина моя, Твоею добротою Всегда наполнен,

И, как жизнь, люблю Я аромат пустыни, Очертанья Гоби,

Стада верблюдов, Звуки Морин хура,

Что донеслись до склонов гор, По ним на скакуне своём Лечу я.

Вот южный склон — Здесь кости наших предков Незабвенных,

А вот и солончак Блестит на солнце, Как стекло,

Над дальними холмами Звёзды Всходят,

И чтоб ребёнок
Не заплакал
В юрте
Ты добрые слова
Произнеси —
Отгонишь зло.

Там, в бурдюке, Кумыс Играет,

Блестит, Луч солнца Отражает,

Народ там Предков почитает. То солнце, то луну встречает,

Песнь о пустыне он слагает, А Гоби Миражом дрожит.

Отсюда в город ехать Нет желанья, Хочу я здесь до старости прожить,

Чтоб на краю Земного мирозданья Своей песчаной матушке служить.

1979

Монгольские горы

В тот час, когда я этот мир покину, Свободное пространство мне оставьте... (Из записной книжки)

Подобно огоньку аргала в юрте На склонах ваших камешки горят, Для равновесия их в каждую ладонь беру я, А ноги по откосу вверх спешат. О мои горы, в снег иль дождь, в метель с пургою, Вы укрываете животных и людей, Сравнить хочу вас с юртой голубою, Пусть имя ваше не достигнет злых ушей. На вас, как на весах, могу я взвесить Добро и зло — деяния свои, Как украшение на шапочку повесить Или духовной мощи попросить. О вас, о мои горы, сложены преданья, Вы край и суеверий, и легенд, На склонах ваших камень подберу я. На нём узоров моей жизни след. О мои горы, вы сверкаете, как звёзды, В своих ладонях в стужу вас согрею я, А летом от лучей палящих солнца Укрою, словно тенью охлажу. Воспоминания о вас тревожат душу,

Да не иссякнет ваша благодать, И в руку камень взять ваш не забуду, Когда сей мир я буду покидать... Моё тепло в том камне растворится, Я сам остыну, словно камень сей, В моей разогнутой ладони, словно птица Пульсирует осколок тех камней. Горам моим его назад отлайте И обо мне почаще вспоминайте! Подобно огоньку аргала в юрте, На склонах ваших камешки горят, Для равновесия их в каждую ладонь беру я, А ноги по откосу вверх спешат. О мои горы, в снег иль дождь, в метель с пургою Вы укрываете животных и людей, Сравнить хочу вас с юртой голубою, Пусть имя ваше не достигнет злых ушей. На вас, как на весах, могу я взвесить Добро и зло — деяния свои. Как украшение на шапочку повесить И вам отдать весь ныл моей души.

1989

Монгольская беседа

Коль мудрые слова с почтеньем слушать — Вас ожидает прибыль, А коль копить бездумно деньги — Убыток впереди... (Монгольская поговорка)

В степи монгольской, над которой облака несутся, Сквозь тоно в юрту проникает луч, Слова, как молоко во время дойки, льются И начинается беседа — монгол хуч. Она со смехом вместе бьёт фонтаном Иль вдруг вскипает с чаем, плещет через край, И пыль из-под копыт над степью стелется туманом, И гости уж кричат: «Собаку отгоняй!» Звучит приветствие степенно И праздник долгий впереди, И скачки будут непременно, Подпругу крепче подтяни. Все новости округи мы узнаем, Расскажут и о дальней стороне Вселенная во всей красе предстанет, О небе речь пойдёт и о земле. И не иссякнут темы для беседы, Беседуют мой дед, отец, мой сын, мой внук и я, На все вопросы мы найдём ответы. Так круглый год беседует семья. Монгольская беседа в юрте и в дороге Не терпит клеветы, не носит зла, Хозяйка окропит ваш путь с порога, И вслед вам скажет добрые слова.

1987

Перевод с монгольского М. П. Петровой

Б. Явухулан

Творчество Бэгзийна Явухулана (монг. Бэгзийн Явуухулана) — яркая и самобытная страница в монгольской поэзии ХХ в. Его острое и тонкое восприятие мира отразилось в созданных им стихах трепетными художественными образами и новыми структурными решениями. Поэта отличает глубокая философичность в понимании процессов жизни и лирическая проникновенность в человеческую психологию.

Предлагаемые переводы, выполненные безвременно ушедшей из жизни монголоведом, поэтом и прекрасным переводчиком Людмилой Ивановной Букиной, до сих пор не увидевшие свет, взяты из сборников стихов Б. Явухулана разных лет.

* * *

Сверкают россыпи ярких звезд — В черной пропасти точки. Алмазные гвозди вбивает ночь Коралловым молоточком.

Открытою грудью дышит степь, Луна лицо приближает. Лица путников лунный свет Нежно преображает.

Подобно вещим птицам ночным, Протяжно летят кометы. Душа звездой, упавшей из тьмы, Пробивается к свету.

Ханда — имя твое

Ты послушай, любимая, что говорю: Ханда! Ты затмила своей красотою зарю, Ханда! И когда пред тобою я робко стою, То ни солнца, ни месяца не узнаю!

Нежно шею твою озаряет рассвет, Ханда! Пред тобою бледнеет и маковый цвет, Ханда! На руках золотой потускнеет браслет — Двум запястьям твоим обрамления нет!

Словно стебель цветка лугового — твой стан, Ханда! Легкой тенью улыбка скользит по устам, Ханда! Сердцевины двух перьев павлиньих глаза! По плечам твоим пряди густые скользят!

Грудь твою облегают послушно шелка, Ханда! Полнотою упругой вздымаясь слегка, Ханда!

Встреча каждая наша мне счастье дарит — Верь любви, что отныне во мне говорит!

Голос твой глубоко в мою душу запал. Ханда! От речей твоих жарких я сам запылал, Ханда! И огонь твоих слов очищает меня — Без тебя я — как месяц средь белого дня!

Говорю: на земле этой долго живи, Ханда! Что дарила нам пылкие годы любви, Ханда! Слушай песню мою, и узнает весь свет, Что за имя пою, — или я не поэт!

Цвета планеты

Синий-синий Купол неба... Солнца Золотой желток... Вся природа, Вся планета — Желто-голубой Цветок!

Поклон Алтаю

Горы из гор вырастают, Как субурганы из ветра, Скалы из скал прорастают, Будто у дерева ветви. Солнечной стороною, Там, где уходят утесы В небо, подобно Сумэру, Снегом сверкая на солнце. Бродят тропой кружевною Гордые горные козы. В белом полуденном зное Ввысь, точно птица, взлетая. Вольное стадо несется К вечному снегу Алтая. Там, у высоких подножий, Стадо, в снегу утопая, Лижет молочную пену Царственного Алтая. Вздрогнув от тени орлиной, Хищно скользящей по кругу, Высится над стремниной Тучный вожак белогрудый.

Пред молоком материнским Стал на колени козленок, В низком покорном поклоне Остановился на склоне,

Всем естеством припадая К светлому снегу Алтая!

Авторизованный перевод с монгольского

Л. Букиной

Современная монгольская поэзия

Ц. Тумэнбаяр

Перекочевка

Словно горбы верблюжьи, Тихие в дымке сопки. Сопка за сопкой цепью. А где-то вдали кочуют Один за другим караваны.

Высятся синие горы, Скалы сжигает солнце. Под этим палящим зноем После целого дня кочёвки Дель на плечах выгорает.

Все мы порядком устали, И даже мой сын, что у сердца, Устав, Под колыбельную Тихонько с улыбкой спит.

Спокойная и простая, Судьба ты моя кочевая, Родной скакун благословил твой бег. Как проживу я без кочевки этой, Когда в степи такое пекло?!

Улан-Батор, 10 июля—21 августа 1992 г.

Перевод с монгольского А. Курышевой

Л. Хасар

Любовь

Моя любовь, ты разною бываешь:
То пламенный наряд Кармен напоминаешь,
То кровью налитый взгляд бешеный быка —
Такого красного ты цвета иногда.
Вдруг новый образ в сердце возникает,
Любовь мне синеву небес напоминает.
То вижу золотистый образ твой,
Желтеет платье ламы вдруг передо мной.
Цветок марихуаны возникает
И солнечным всё светом заполняет.
То вдруг несёт меня зелёная волна,
Средь водорослей ощущаю я себя.
И образ Тары-матери всплывает —
Такой любовь зелёною бывает.
Но вдруг ты чёрною становишься, как ночь,

И оперенью ворона подобна. На сердце мне становится тревожно. Любовь, как радуга после грозы, сияет, Пространство, время — всё перекрывает. Ты семицветная, как радуга большая, И я перед тобой свой лик склоняю.

Перевод с монгольского Е. Мальцевой

Монгольские хайку

С. Билигсайхан

- 1. Оставил на песке Узор свой ладони, Сумерки...
- 2. В водах реки Лица отраженье, Небо несётся в потоке.

Перевод с монгольского А. Курышевой

3. Клубится туман в горах, А ведь это тебя Я видел вчера в своих снах.

С. Оюнтогс

4. С небес на пашню Стая птиц спускается, И в этот миг жизнь ощущается.

Перевод с монгольского Д. Куленкова

- 5. Когда первый весенний дождь моросит по щекам, Отчего я так странно вздрагиваю?
- 6. За окном Мрак сгущается. Ты, верно, забыл.

Перевод с монгольского А. Левошиной

- 7. Когда от людей отстраняюсь, Смыкая веки, Вокруг совсем темно.
- 8. То солнце нового утра, Что светит сквозь тоно, Так ли прекрасно было?

Перевод с монгольского Е. Васько

9. Вот один среди толпы Стоит человек в тёмно-сером плаще, Мокнет под вечерним дождём.

Т. -О. Эрдэнэцогт

10. Небо простирается,

Земля тиха.

А как же вчера ненастно было!

Перевод с монгольского И. Содномовой

11. Друг детства Случайно зашёл, Выбежать и поиграть бы...

12. Пасмурно, Солнце светит тускло, Ход времени сух.

Перевод с монгольского С. Чимидова

П. Бадарч

Три слова

Представь: печален люд и скот, Печалится земля, И красным маревом всё засуха покрыла, И словно облако шапчонкою плывёт, И будто бы три капли уронило:

Скажу тебе три слова я! И словно золотых три грозных острия, Венчавших чёрные знамёна Борджигинов, Единственная святость у меня, Как в слове «мать» все звуки триедины. Скажу тебе три слова я!

Представь: у бога Намсаря в длани Богатства символы храня. Три драгоценных камня — чиндамани, Что мышь дарует изначальная: Скажу тебе три слова я!

И словно в каменном гнезде, где — ни соломки, Три хрупких журавля Вверх из яиц стремятся; Вот-вот три жизни мир узрят сквозь тонкую скорлупку: Скажу тебе три слова я!

Прекрасней древа нет, Чем древо галбарвасан, Среди пернатых рода Павлина хвост хвалю, Средь звёзд лишь у луны Прекрасен стан: Скажу три слова: «Я тебя люблю!»

Перевод с монгольского Д. Водяницкой